

Брачная тема в средневековых поэмах
о Рыцаре с лебедем:
к вопросу функционирования
фольклорных мотивов в литературном тексте

Ольга В. Попова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, popova.olga13w@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена эволюции «сюжета о Рыцаре с лебедем» во французской и немецкой эпико-романной традиции. Рассматривается трансформация и функционирование мотивов, заимствованных из фольклора и включенных в повествование на определенном этапе бытования сюжета. Заимствование фольклорных мотивов связано с наличием в сюжете брачной тематики. Во французской эпической традиции, получившей книжное бытование, рассказ о Рыцаре с лебедем расширяется за счет мотива поиска потерянного супруга. В немецкой традиции можно увидеть влияние сказочного сюжета о змееборце.

Делается вывод, что появление в повествовании фольклорных мотивов влечет за собой сюжетную трансформацию, во многом аналогичную развитию соответствующих сюжетных типов в фольклоре (например, переход от архаического мифа к классической волшебной сказке о чудесном супруге). В то же время в литературной традиции наблюдается частичное разрушение оппозиции «свой – чужой», имеющей в средневековой книжности иную, отличную от фольклора семантику. Во французской традиции особое значение приобретает пространственное противопоставление «исторического» и сакрального мира, в немецких памятниках оппозиция «свой-чужой» осмысливается с точки зрения соответствия или несоответствия поведения персонажей куртуазным ценностям.

Ключевые слова: средневековый эпос, рыцарский роман, волшебная сказка, Рыцарь с лебедем, Лоэнгрин

Для цитирования: Попова О.В. Брачная тема в средневековых поэмах о Рыцаре с лебедем: к вопросу функционирования фольклорных мотивов в литературном тексте // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2021. Т. 4. № 3. С. 28–48. DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-3-28-48

The marriage theme in Medieval poems
about the Swan Knight.
On the functioning
of folklore motives in the literary text

Olga V. Popova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
popova.olga13w@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the evolution of the “plot about the Swan Knight” in the French and German epic and romance traditions. The transformation and functioning of motives borrowed from folklore and included in the narrative at a certain stage in the existence of the plot are considered. The borrowing of folklore motives is associated with the presence of a marriage theme in the plot. In the French epic tradition, which has received a book existence, the story of the Swan Knight expands due to the motive of the search for the lost spouse. In the German tradition, you can see the influence of the fairy tale plot about the snake fighter.

It is concluded that the appearance of folklore motifs in the narrative entails a plot transformation, in many respects similar to the development of the corresponding plot types in folklore (for example, the transition from an archaic myth to a classic fairy tale about a fantastical spouse). At the same time, in the literary tradition, there is a partial destruction of the opposition “friend or foe”, which has a different semantics in medieval books, different from folklore. In the French tradition, the spatial opposition of the “historical” and the sacred world is of particular importance; in German monuments, the opposition “friend or foe” is interpreted from the point of view of the conformity or inconsistency of the characters’ behavior with courtly values.

Keywords: medieval epic, tale of chivalry, fairy tale, The Swan Knight, Lohengrin

For citation: Popova, O.V. (2021), “The marriage theme in Medieval poems about the Swan Knight. On the functioning of folklore motives in the literary text”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 4, no. 3, pp. 28–48, DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-3-28-48

Постановка проблемы

Вопрос взаимодействия устной и письменной традиции представляется актуальным как для современной фольклористики, так и для медиевистики. Отдельную проблему представляет фольк-

лоризация литературного текста, получающего распространение в устной среде, а также литературная стилизация книжного текста с использованием традиционных фольклорных топосов. Данная статья посвящена рассмотрению трансформации и функционирования мотивов, заимствованных из фольклора и включенных в повествование в процессе литературной эволюции одного из распространенных в Средние века сюжетов.

Материалом для изучения стали французские и немецкие тексты XIII–XIV вв., основанные на рассказе о рыцаре, путешествующем в ладье, влекомой лебедем. Сюжет, зародившийся на северо-востоке Франции, предположительно в XII в., позднее получает письменную фиксацию и в то же время продолжает распространяться в устной среде; в немецкой традиции он также претерпевает трансформацию, становясь достоянием книжной культуры.

«Сюжет о Рыцаре с лебедем» функционировал в Средние века как один из вариантов генеалогической легенды о происхождении славного рода. В соответствии с установкой, его центральным сюжетным элементом стал мотив женитьбы героя, имеющего сакральное происхождение и прибывающего из иного мира, на смертной женщине. Рассказ о рыцаре, некогда приплывшем по реке в сопровождении лебедя, вступившем в брак и вскоре покинувшем свою супругу и наследников, включается в повествование исторических хроник и старофранцузских героических жест о происхождении Готфрида Бульонского, которые входят в эпический цикл о Первом крестовом походе; именно этот сюжетный блок заимствуется немецкими поэтами.

Во французской эпической традиции сложились также блоки о рождении и смерти героя, за которым в некоторых версиях закрепляется имя Элиас. Сюжетный блок о рождении Рыцаря с лебедем, выполняющий роль пролога, предвещающего повествование о главном подвиге героя, по нашему мнению, является типологически наиболее ранним и имеет фольклорный генезис – он основан на сказочном сюжете о детях-лебедях, предположительно, бытовавшем в то время на европейской территории. Повествование о последних деяниях Рыцаря с лебедем и его смерти, напротив, имеет исключительно литературное происхождение.

Что касается сюжетного блока о главном подвиге и женитьбе Рыцаря с лебедем, то его генезис на сегодняшний день до конца не изучен. Исследователи сходятся на том, что он восходит к устной легенде о рыцаре, путешествующем по воде в ладье, влекомой лебедем, однако остается непроясненным, какие мотивы включала эта легенда, а какие элементы сюжет приобретает уже в процессе трансформации в русле эпической традиции. Наиболее проблемным представляется вопрос о присутствии в легендарном сюжете

те мотива запретного действия, который получает реализацию во всех дошедших до нас литературных версиях «сюжета о Рыцаре с лебедем», но не включается в повествование исторических хроник, содержащих рассказ о женитьбе героя.

*Мотив запретного действия и его функция
«в сюжете о Рыцаре с лебедем»*

Запрет на вопрос об имени и происхождении героя, нарушение которого объясняет его внезапное исчезновение, представлен в литературных памятниках о Рыцаре с лебедем как единственное условие его вступления в брак со смертной женщиной. В исследовательской традиции существуют две противоположные точки зрения на функции этого мотива в «сюжете о Рыцаре с лебедем», высказанные, в частности, А.Н. Веселовским и К. Лекуте. Согласно предположению Веселовского [Веселовский 2011, с. 555], легенда о Рыцаре с лебедем является тотемистической в своей основе и, как и сказание о Психее и Мелюзине, отражает «перелом от экзогамического к эндогамическому браку». По мнению исследователя, сюжеты этого типа имеют бытовую основу и так или иначе связаны с тотемистическими поверьями. Таким образом, Веселовский предполагает, что мотив запретного действия является в этой легенде главным и сюжетообразующим.

Другого мнения придерживается К. Лекуте [Lecouteux 1982, с. 158], который разделяет сюжет о герое, плывущем в ладье, влекомой лебедем, и мотив запретного вопроса как вариант гейса, заимствованного из ирландских сказаний, считая их генетически независимыми друг от друга. Лекуте сопоставляет «сюжет о Рыцаре с лебедем» с сюжетом о женщине-змее Мелюзине, к которой возводили свой род Лузиньяны, и рассматривает их как два примера выстраивания вымышленной генеалогии и как два сюжета, в которых на определенном этапе сюжетной эволюции появляется мотив запретного действия. Согласно этой гипотезе, мотив запрета на вопрос об имени и происхождении чудесного супруга выполняет функцию испытания, которое не способен выдержать смертный, вступивший с ним в брак.

Предположение К. Лекуте представляется наиболее правым, поскольку подтверждается анализом литературных версий о Рыцаре с лебедем. В дошедших до нас текстах мотив запретного действия подвергается многочисленным вариациям, поскольку запрет получает разные мотивировки. Так, в ряде памятников запрет на вопрос об имени и происхождении героя мотивирован божественной волей, и тема сверхъестественного вмешательства

влечет за собой надстраивание сюжета за счет дополнительных сюжетных элементов (мотив явления ангела в старофранцузской жесте «Рыцарь с лебедем», а также мотивы, связанные с происхождением героя из мира Грааля, в немецкоязычной традиции Вольфрама фон Эшенбаха и его последователей). В других вариантах сюжета запрет представлен как воля самого Рыцаря с лебедем (в немецкой поэме Конрада Вюрцбургского «Рыцарь с лебедем», в старофранцузской поэме «Рыцарь с лебедем и Готфрид Бульонский»), однако остается непроясненным, на кого именно накладывается табу – на супругу героя или на всех смертных [Попова 2015].

Дополнительным аргументом в пользу относительно позднего включения мотива запретного вопроса в «сюжет о Рыцаре с лебедем», как нам кажется, можно считать его отсутствие в историографических источниках, в которых упоминается этот персонаж. При обращении к версиям сюжета, излагаемым в труде Винсента де Бовэ «Зерцало историческое» и «Рифмованной хронике» Филипа Муске, можно заметить, что в хрониках мотивы запретного действия и нарушения запрета опускаются без ущерба для повествования. Оба историографа создавали свои хроники в середине XIII в. на северо-востоке Франции, а старофранцузские жесты о Рыцаре с лебедем были сложены именно в этой области и должны были быть им известны. Однако ни один из хронистов не упоминает мотивировку отъезда героя, при этом сюжет не теряет своей специфики.

В третьей книге труда Винсента де Бовэ «Зерцало историческое» рассказывается, как однажды в Кельнское герцогство, где находится замок Ювамен, приплыл неизвестный рыцарь в ладье, которую тянул лебедь с помощью серебряной цепочки; этот рыцарь женился и имел детей, но однажды за ним приплыл лебедь и увез его, никто его больше не видел, но потомки рыцаря живут и поныне:

In Coloniensi dioecesi famosum et immane palatium Rheni fluminis supereminet, quod Juvamen nuncupatur, ubi, pluribus olim congregates principibus, improvise advenit navicula, quam collo alligatam Cygnus trahabat argentea catena. Exinde miles, novus et incognitus omnibus, exiliit et cygnus navem reduxit. Miles postea uxorem duxit, liberos procreavit. Tandem in eodem palatio residens et cygnum inspiciens adventatam cum eadem navicula et catena, statim in navem se recepit, et ulterius non comparuit; progenies autem ejus usque hodie perseverat¹.

¹ Le Chevalier au cygne et Godefroid de Bouillon / Éd. Baron de Reiffenberg. Bruxelles, 1846–1859. T. 5. P. VI.

В Кельнской епархии есть известный и большой замок, возвышающийся над Рейном, который называется Ювамен; здесь, когда в замке было много знати, на реке появилась ладья, которую тянул лебедь с помощью серебряной цепочки. Неизвестный никому рыцарь выпрыгнул на берег, а лебедь увез ладью обратно. Рыцарь потом женился и имел детей. Однажды он находился в своем замке и снова увидел лебедя с серебряной цепью, влекущего ладью, в ту же минуту сел в нее, и больше его никогда не видели; но потомки его живут и сейчас (здесь и далее перевод мой. – О. П.).

В «Рифмованной хронике» Филипа Муске содержится повествование о рыцаре, прибывшем в Неймеген в ладье, влекомой лебедем, чтобы защитить герцогиню и ее земли от графа Ренье Саксонского. Согласно тексту хроники, он победил графа в поединке, женился на дочери герцогини и принял титул герцога Бульонского; от него происходит Готфрид, ставший потом королем Иерусалима; однажды рыцарь уплыл точно так же, как и появился: его увез лебедь. Филип излагает историю о Рыцаре с лебедем более конкретно, чем Винсент: уточняет причину появления рыцаря (он прибыл, чтобы защитить герцогиню Бульонскую от графа Саксонского), рассказывает о подвиге героя (участии в поединке) и упоминает Готфрида Бульонского как потомка Рыцаря с лебедем. Прослеживается влияние эпической традиции: уточняется, что от Рыцаря с лебедем происходит род Готфрида Бульонского, и вводится мотив судебного поединка. Но и здесь мотивировкой отъезда героя служит только появление лебедя, и мотив нарушения запрета отсутствует.

Итак, можно выделить следующие мотивы, присутствующие как в эпических памятниках, так и в хрониках:

Рыцарь с лебедем прибывает в ладье, влекомой лебедем;

Рыцарь с лебедем вступает в брак;

Лебедь возвращается, Рыцарь с лебедем уплывает;

От рыцаря с лебедем происходит знатный род.

По всей видимости, как таинственность прибытия героя, так и его внезапный отъезд после возвращения лебедя в представлении людей Средневековья воспринимались как подтверждение «инаковости» его природы и не нуждались в дополнительных мотивировках, за счет которых расширяется сюжет в процессе его литературной эволюции. Наиболее устойчивыми являются мотивы прибытия рыцаря в сопровождении лебедя и его женитьбы на смертной, именно они составляют специфику сюжетного блока о главном подвиге и женитьбе Рыцаря с лебедем и могут считаться сюжетообразующими.

Итак, мы приходим к выводу, что мотив запретного действия был включен в повествование о Рыцаре с лебедем на сравнительно позднем этапе бытования сюжета и получил реализацию исключительно в литературных версиях, созданных в русле эпико-романной традиции. В то же время его заимствование из ирландских сказаний, предположение о котором было высказано К. Лекуте, представляется маловероятным, поскольку других сюжетных заимствований из кельтской традиции в поэмах о Рыцаре с лебедем найти не удастся. Однако подобные мотивы можно встретить в сказочных сюжетах, распространенных на европейской территории. Одним из примеров может служить сказка о лебединой деве, приведенная в указателе Аарне-Томпсона под индексом 400. Согласно сюжету, супруг похищает у своей жены одеяние, позволяющее ей пребывать в животном облике, и сжигает его, после чего должен преодолеть ряд испытаний, чтобы ее найти. Отметим, что запрет необязательно должен быть наложен, более значимым является именно его нарушение: важно не то, что жена запретила мужу уничтожить ее одеяние, а то, что он заметил его и сжег.

Таким образом, есть основания считать сюжетный блок о подвиге и женитьбе Рыцаря с лебедем не переработкой бытовавшей на европейской территории тотемистической легенды или сказки о чудесном супруге, а обработкой одной из генеалогических легенд, уже в русле эпической традиции и, возможно, в процессе письменной фиксации вобравшей в себя отдельные мотивы, заимствованные из похожих фольклорных сюжетов, в том числе мотивы запретного действия и его нарушения.

Эволюция «сюжета о Рыцаре с лебедем» во французской эпической традиции

Во французской традиции «сюжет о Рыцаре с лебедем» сложился в целостном виде к XIV в. в результате соединения сюжетных блоков о рождении, подвиге и смерти Рыцаря с лебедем и нашел отражение во французской поэме XIV в. «Рыцарь с лебедем и Готфрид Бульонский». Героические жесты, на материале которых была сложена поэма XIV в., дошли до нас в одиннадцати манускриптах, датировка которых варьируется от середины до конца XIII в. Главный герой фигурирует в них в качестве предка главного героя цикла – Готфрида Бульонского, предводителя крестового похода, ставшего правителем Иерусалима.

На сюжетном блоке о рождении Рыцаря с лебедем основана героическая поэма «Рождение Рыцаря с лебедем»². Под этим названием подразумеваются две версии («ветви») поэмы – «Элиокса» и «Беатрикс», получившие условные названия в соответствии с именем матери главного героя. Сюжетный блок о подвиге и женитьбе Рыцаря с лебедем лег в основу жести «Рыцарь с лебедем»; позднее была сложена поэма «Конец Элиаса», основанная на сюжетном блоке о смерти героя³.

Выделив основные мотивы в каждой из трех наиболее ранних поэм, представим структуру «сюжета о Рыцаре с лебедем» в виде таблицы (курсивом отмечены мотивы, которые имеют фольклорный генезис или могли быть заимствованы из устной традиции):

«Элиокса» (Elioxe) и «Беатрикс» (Béatrix), версии поэмы «Рождение Рыцаря с лебедем» (La Naissance du Chevalier au Cygne)	«Рыцарь с лебедем» (Le Chevalier au Cygne)	«Конец Элиаса» (La Fin d'Elias)
<i>Свекровь не любит невестку, у невестки рождаются шестеро сыновей и дочь с чудесными цепочками на шее.</i> <i>Свекровь крадет детей невестки.</i> <i>У детей отнимают цепочки, они превращаются в лебедей.</i>	Граф Ренье Саксонский захватывает земли герцогини Бульонской. Рыцарь с лебедем прибывает на помощь герцогине. Рыцарь с лебедем сражается с противником и побеждает его. <i>Рыцарь с лебедем женится на дочери герцогини и запрещает ей задавать вопрос о своем происхождении.</i>	Рыцарь с лебедем возвращается в родное королевство. Рыцарь с лебедем возвращает своему брату человеческий облик. Рыцарь с лебедем строит новый замок. <i>Понс, один из рыцарей герцогини Бульонской, отправляется в паломничество.</i>

² La naissance du Chevalier au Cygne. Elioxe / Ed. by E.J. Mickel; Beatrix / Ed. by J.A. Nelson. Tuscaloosa; London: University of Alabama Press, 1977. (The Old French Crusade Cycle, vol. 1)

³ Le Chevalier au Cygne and La Fin d'Elias / Ed. by J.A. Nelson. Tuscaloosa; London: University of Alabama Press, 1985. (The Old French Crusade Cycle, vol. 2)

<i>Один из детей, не превратившийся в лебедя, отправляется ко двору короля.</i> <i>Король узнает правду, лебедям возвращают цепочки, они становятся людьми (кроме одного).</i> Один из сыновей короля отправляется в странствия, его сопровождает брат, оставшийся в лебедином облике.	Рыцарь с лебедем сражается с родственниками побежденного им противника. <i>Герцогиня задает запретный вопрос.</i> Лебедь возвращается, Рыцарь с лебедем уплывает.	<i>Понс встречается с Рыцарем с лебедем.</i> <i>Понс рассказывает герцогине Бульонской о Рыцаре с лебедем.</i> <i>Герцогиня прибывает к Рыцарю с лебедем.</i> Герцогиня возвращается в герцогство Бульонское и получает вести о смерти супруга.
---	--	---

Для сравнения приведем сюжетную структуру рассказа о Рыцаре с лебедем, содержащегося в поэме XIV в., распределив мотивы в соответствии с тремя сюжетными блоками:

Рыцарь с лебедем и Готфрид Бульонский <i>(Le Chevalier au Cygne et Godefroi de Bouillon)</i>		
<i>Свекровь не любит невестку, у невестки рождаются шестеро сыновей и дочь с чудесными цепочками на шее.</i> <i>Свекровь крадет детей невестки.</i> <i>У детей отнимают цепочки, они превращаются в лебедей.</i> <i>Один из сыновей, не превратившийся в лебедя, отправляется ко двору короля и побеждает на судебном поединке, доказывая невиновность своей матери.</i>	Граф Реньё Саксонский заявляет о своих правах на земли герцогини Бульонской. Рыцарь с лебедем прибывает на помощь герцогине и участвует в судебном заседании. Рыцарь с лебедем сражается с противником и побеждает его. Рыцарь с лебедем женится на дочери герцогини.	Рыцарь с лебедем возвращается в родное королевство. Рыцарь с лебедем возвращает своему брату человеческий облик. Рыцарь с лебедем строит новый замок. <i>Герцогиня Бульонская отправляет своих рыцарей на поиски супруга.</i>

<i>Король узнает правду, лебедям возвращают цепочки, они становятся людьми (кроме одного).</i> Один из сыновей короля отправляется в странствия, его сопровождает брат, оставшийся в лебедином облике.	Рыцарь с лебедем сражается с родственниками побежденного им противника. <i>Герцогиня задает запретный вопрос.</i> Лебедь возвращается, Рыцарь с лебедем уплывает.	<i>Понс встречается с Рыцарем с лебедем.</i> Понс рассказывает герцогине Бульонской о встрече с Рыцарем с лебедем и его смерти. Герцогиня умирает.
--	--	---

В то время как сюжетный блок о рождении героя, фольклорный по своей природе в целом, сохраняет сюжетную структуру волшебной сказки, в двух других блоках появляются лишь отдельные элементы, сопоставимые с фольклорными мотивами. В них присутствуют два сказочных топоса: мотив запретного действия, который включается в сюжетный блок о подвиге Рыцаря с лебедем и влечет за собой появление парного мотива нарушения запрета, и мотив поисков потерянного супруга, реализующийся в сюжетном блоке о смерти Рыцаря с лебедем как получение покинутой герцогиней вестей о своем муже благодаря паломничеству рыцаря Понса.

На основании сопоставления поэм «Рыцарь с лебедем» и «Рыцарь с лебедем и Готфрид Бульонский» XIV в. можно рассмотреть трансформацию, которую претерпевают оба мотива в процессе развития сюжета в русле французской эпической традиции.

В отличие от старофранцузской жести «Рыцарь с лебедем», где главный герой объявляет своей будущей жене о запрете как об условии сохранения их брака, в более поздней версии не делается акцент на том, на кого именно и с какой целью накладывается табу. Согласно тексту поэмы «Рыцарь с лебедем и Готфрид Бульонский», условие ставится сразу после прибытия героя в Неймеген, причем не герцогине и ее дочери, а в обращении Рыцаря с лебедем к императору. На вопрос Оттона, откуда он прибыл, рыцарь просит не задавать больше этот вопрос, потому что его страну все равно никто не знает:

Et dist ly emperères: "Bien vegniés, par me foit,
 Don't iestes-vous arrives chy-endroit?
 Sires, dist l'emperères, bien soyés arivés,
 Dont iestes-vous venus, ne de quel hiretés?"

Et dist li chevaliers: “Plus ne m’en demandés.
Car je sui d’un pays que jà n’en sarés;
Pour aventure querre suy uchy arives;
Et se vous sierviray, si vous le commandés”⁴.

И говорит император: Приветствую вас, / откуда вы прибыли в эти места? / Господин, говорит император, добро пожаловать, / откуда вы родом? / И говорит рыцарь: не спрашивайте меня больше об этом, / потому что я родом из страны, о которой вы никогда не узнаете; / в поисках приключений я сюда прибыл / и буду служить вам, если вы прикажете.

Таким образом, в этой версии запрет на вопрос о происхождении героя уже не связан с брачной тематикой и не представляется как условие женитьбы чудесного супруга на смертной. Лишь позднее создатель поэмы как будто вспоминает о том, что рыцарь запретил своей жене спрашивать о его происхождении, и герцогиня семь лет не задавала вопрос, но потом забыла о запрете и, по женскому обыкновению, сделала именно то, от чего ее предостерегали. Функция мотива нарушения запрета сводится к мотивировке отъезда героя.

Трансформацию претерпевает и мотив получения вестей и «воссоединения» герцогини Бульонской с покинувшим ее Рыцарем с лебедем, сопоставляемый нами с фольклорным мотивом поиска потерянного супруга. Если в более раннем памятнике рыцарь Понс отправляется в паломничество по собственной воле и встречает своего господина случайно, то в поэме «Рыцарь с лебедем и Готфрид Бульонский» поиски супруга мотивированы самой герцогиней. Таким образом, только в версии XIV в. этот сюжетный элемент получает оформление именно как мотив поисков чудесного супруга, вероятно, под влиянием сказочных сюжетов, распространенных в то время на севере Франции. Вместе с тем, поскольку жанровая природа эпического памятника, в отличие от волшебной сказки, не предполагает необходимости восстановления миропорядка и ликвидации недостачи, возвращение потерянного супруга не воспринималось средневековыми поэтами как обязательный элемент повествования, вследствие чего в более позднем памятнике он подвергается редукции. Целью поисков в поэме XIV в. становится не возвращение супруга, а получение сведений о его происхождении. Однако в христианизированном понимании в поздней версии «воссоединение» супругов все же происходит: герцогиня, узнав о смерти Рыцаря с лебедем, уходит из жизни вслед за ним.

⁴ Le Chevalier au cygne et Godefroid de Bouillon / Éd. Baron de Reiffenberg. Bruxelles, 1846–1859. T. 5. P. 106.

Как мотивы запретного вопроса и его нарушения, так и мотив поиска потерянного супруга характерны для типов сказочных сюжетов, в которых мотив брака смертного или смертной с существом из иного мира является сюжетообразующим.

Как отмечает Е.М. Мелетинский, «архаические брачные табу (муж и жена не должны называть личного или родового имени друг друга, видиться при дневном свете до рождения первого ребенка) и брачные “законы” (жена при малейшем неудовольствии может вернуться в родительскую семью, в род отца) отчетливо переданы в имеющих глобальное распространение сказках о чудесных женах и мужьях (АТ 400, 425 и др.)» [Мелетинский 2018, с. 313]. Исследователь называет сказки о чудесных (тотемных, звериных) женах (реже мужьях), «потерянных в результате нарушения брачных табу и возвращенных (не всегда, впрочем) после трудных испытаний в “тотемном” царстве “тестя”» единственным подлинно архаическим сюжетом, посвященным непосредственно «брачной» теме. На архаичный характер сюжета, по мнению Е.М. Мелетинского [Мелетинский 2018, с. 316], указывает то, что женитьба в этом случае ведет к использованию производственного могущества «тотемного» супруга, иными словами, брак в подобных сюжетах представляется средством, а не целью, как в большинстве волшебных сказок.

Разграничение между архаическими мифами о чудесных супругах и сюжетами волшебных сказок, в которых присутствует брачная тема, исследователь проводит на основании наличия или отсутствия мотива возвращения супруга из иного мира посредством трудных испытаний героя-протагониста; он может не включаться в сюжет архаического мифа, в то время как в волшебной сказке, которая, как правило, заканчивается восстановлением миропорядка, именно на него переносится акцент [Мелетинский 2018, с. 319]. Таким образом, согласно Е.М. Мелетинскому, первоначально мотив брака с персонажем из иного мира ради получения блага, нередко сопровождающийся брачными табу, является в подобных сюжетах центральным, однако постепенно происходит надстраивание сюжетной схемы за счет рассказа о потере и поисках супруга, а нарушение протагонистом запрета воспринимается как мотивировка его дальнейших испытаний.

Возвращаясь к рассмотрению трансформации «сюжета о Рыцаре с лебедем» во французских героических жестах, отметим, что мотивы запретного вопроса и нарушения запрета, которые, предположительно, могли не включаться в сюжет на первых этапах его распространения, позднее начинают восприниматься как сюжетообразующие и влекут за собой дальнейшее надстраивание сюжета. Представления о некогда заключенном чудесном браке, давшем

начало славному роду Готфрида Бульонского (т. е. принесшем благо и процветание), дополняются за счет привлечения мотива брачного табу. Войдя в таком виде в средневековую книжность, рассказ о женитьбе Рыцаря с лебедем на герцогине Бульонской продолжается повествованием о поисках герцогиней потерянного супруга и их воссоединении. Как было замечено выше, мотив запретного вопроса в версии XIV в. фактически теряет характер брачного табу и ассоциируется скорее с чудесным прибытием героя из иного мира. Подобная сюжетная трансформация также сопоставима с вариативностью структуры волшебной сказки о чудесном супруге: при расширении сюжета за счет мотива поиска потерянного супруга совершение смертным персонажем некоего запретного действия лишь создает мотивировку его дальнейших испытаний, в то время как на самом характере запрета внимание может не акцентироваться.

Таким образом, можно сделать вывод, что литературная трансформация «сюжета о Рыцаре с лебедем» во многом аналогична трансформации похожих сюжетов в фольклорной традиции. Процесс вхождения генеалогической легенды о славном предке в устную эпическую традицию можно условно сопоставить с формированием различных вариантов мифа о нарушении брачных табу, а дальнейшее развитие сюжета, получившего письменную фиксацию, – с постепенным переходом от архаического мифа к волшебной сказке.

Итак, нами было рассмотрено развитие мотивов запретного действия и поисков потерянного супруга во французских литературных памятниках о Рыцаре с лебедем. Далее обратимся к вопросу о том, как могут трансформироваться сказочные мотивы в процессе заимствования их эпической традицией, где они получают иную реализацию. В старофранцузской жесте «Рыцарь с лебедем» испытания, в сказочном сюжете нередко предшествующие заключению брака с чудесным супругом, проходит не смертный, а сам Рыцарь с лебедем, прибывший из иного мира ради совершения героического деяния, наградой за которое становится женитьба на герцогине Бульонской. В поэме «Конец Элиаса» в поисках супруга участвует не сама герцогиня, а один из ее рыцарей, и упоминание о его испытаниях (паломничестве в Рим и Святую землю) скорее связано с его пространственным перемещением в родное королевство Рыцаря с лебедем, чем с характерным для фольклорного сюжета преодолением трудностей ради достижения цели.

Как нам кажется, трансформация обоих мотивов связана с разрушением фольклорной семантики оппозиции «свой – чужой» вследствие того, что в обеих старофранцузских поэмах функцию протагониста выполняет наделенный исключительными свой-

ствами герой, в то время как в фольклорных сюжетах о чудесном супруге (например, относящихся к типам АТ 400 «Лебединая дева» и АТ 425 «Красавица и чудовище») этой функцией наделен персонаж, имеющий человеческую природу.

При рассмотрении «сюжета о Рыцаре с лебедем» во французской эпической традиции на раннем этапе его письменной фиксации с точки зрения взаимодействия двух миров выявляется определенная тенденция: в рассказе о рождении героя основным местом действия является условное королевство его отца, в то время как мать будущего Рыцаря с лебедем и его братьев в версии «Элиокса» принадлежит иному, сакральному миру (в типологически более поздней версии «Беатрикс» мотивы, связанные с чудесным происхождением матери героя, редуцируются). Основным локусом, вокруг которого строится повествование о женитьбе Рыцаря с лебедем, становится двор императора Оттона, где происходит встреча героя с будущей супругой, а черты сакрального пространства приобретает мир, откуда он прибыл. В начальной части поэмы «Конец Элиаса» о возвращении рыцаря к отцу так же, как и в рассказе о его рождении, повествовательным центром становится его родное королевство. Однако в этой поэме происходит неожиданная смена локуса: средневековый поэт обрывает рассказ о чудесах, происходящих с главным героем и его братом-лебедем, и обращается к повествованию о его жене, герцогине Бульонской, оставшейся в условно «историческом» мире, и ее рыцаре Понсе:

Del bon roi Elias ichi le vous lairon
Jusqu'a .I. autre fois que nous i revenron,
Et si vous conterai d'un nobile baron,
Fius fu au senescal la dame de Buillon,
Ses pere ot non Tieris; lui apelent Poncon⁵.

Доброго короля Элиаса здесь оставим / до тех пор, пока не возвратимся к нему в другой раз, / и я расскажу вам о знатном бароне, / сыне сенешаля владычицы Бульона, / его отец звался Тьерис; его имя Понсон.

Надстраивание сюжета за счет фольклорного по своему генезису мотива поиска чудесного супруга становится возможным посредством очередного перенесения повествования в другой локус. Оба локуса, «историческое» пространство и чудесное коро-

⁵ Le Chevalier au Cygne and La Fin d'Elias / Ed. by J.A. Nelson. Tuscaloosa; London: University of Alabama Press, 1985. P. 383. (The Old French Crusade Cycle, vol. 2)

левство Рыцаря с лебедем, могут становиться центром повествования и, следовательно, восприниматься как «свой» мир: в то время как одно из пространств представляется как мир «своего», другое, в свою очередь, – становится миром «чужого». Средневековые поэты стремятся представить Рыцаря с лебедем как персонажа, чудесным образом прибывающего из иного мира, однако подобная тенденция постоянно вступает в противоречие с его эпической функцией героя-протагониста, который, как правило, движется из мира «своего» в мир «чужого» [Неклюдов 2015, с. 110]. Лишь в заключительной части поэмы «Конец Элиаса» это противоречие снимается, поскольку функцией протагониста наделяется рыцарь Понс, выполняющий волю герцогини Бульонской.

Несмотря на присутствующее во французских поэмах пространственное противопоставление двух миров, характер происходящих в них событий не имеет существенных различий, поскольку все чудесные явления в эпических версиях в равной степени объясняются идеей Божественного могущества. Однако с введением в повествование темы борьбы Бога и дьявола конфликт постепенно переносится в область христианизированных ценностных категорий: злая свекровь, выполняющая функцию вредителя в поэме «Беатрикс», и противник главного героя в жесте «Рыцарь с лебедем» представлены как персонажи, одержимые дьяволом.

Приведенные выводы подтверждаются при обращении к более поздней переработке «сюжета о Рыцаре с лебедем» – французской поэме «Рыцарь с лебедем и Готфрид Бульонский». В повествовании поэмы XIV в. трижды происходит внезапная смена локуса, в котором разворачивается действие поэмы и который воспринимается как «свое» пространство. Впервые локус, являющийся центром повествования, сменяется после упоминания о том, как Рыцарь с лебедем покидает родное королевство, и действие переносится в «исторический» мир императора Оттона и герцогини Бульонской. Следующая смена основного локуса обусловлена мотивом возвращения героя в родное королевство, в третий раз – мотивом поиска герцогиней своего супруга, когда, как и в более ранней жесте «Конец Элиаса», повествователь довольно резко переходит от описания жизни уже состарившегося Элиаса к рассказу о тоске герцогини и путешествию рыцаря Понса. Что касается дальнейшего повествования, то после введения в сюжет Понса как нового персонажа изменения локуса непосредственно связаны с его пространственными перемещениями – на нового персонажа фактически переносится амплуа главного героя, в то время как Рыцарь с лебедем уже не реализует героическую функцию. Мотив поисков чудесного супруга, имеющий аналогии в фольклорных

сюжетах, получает окончательное оформление, и традиционный для волшебной сказки принцип принадлежности чудесного супруга «чужому» миру оказывается соблюден.

Заметим, что описание возвращения Рыцаря с лебедем в родное королевство в поэме «Рыцарь с лебедем и Готфрид Бульонский» во многом схоже с рассказом о его прибытии к императору. В тексте вводится вопрос Орианта, отца главного героя, о мире, из которого он прибыл, по смыслу аналогичный приведенному ранее вопросу императора Оттона. Эти два эпизода сближает и реакция Рыцаря с лебедем – на вопрос отца он также отказывается отвечать. На данном этапе повествования уже «историческое» герцогство Бульонское воспринимается как иной мир, упоминание о котором для героя табуировано. Отказ Рыцаря с лебедем от ответа объясняется исключительно необходимостью пространственной оппозиции и окончательно перестает восприниматься как брачный запрет. Вероятно, подобные повествовательные элементы в памятнике XIV в. следует воспринимать как литературный топос, который, впрочем, не используется в рассказе о путешествии рыцаря Понса. Напротив, этот персонаж выступает как протагонист, отправляющийся в «чужой» мир на поиски чудесного персонажа и одновременно как медиатор, передающий персонажам, принадлежащим разным мирам, вести друг о друге.

Что касается темы борьбы Бога и дьявола, то в поэме XIV в., в отличие от более ранних французских жест, она почти не получает реализацию вследствие ярко выраженной тенденции к индивидуализации мотивировок поведения персонажей. Как действия главного героя, так и поступки противостоящих ему персонажей объясняются не сверхъестественным вмешательством, а их собственной волей. Ценностное противопоставление божественного и дьявольского миров в этой поэме не получает развития.

Таким образом, основываясь на изучении французских версий «сюжета о Рыцаре с лебедем», можно заключить, что оппозиция «свой – чужой» в литературных памятниках может проявляться на пространственном и ценностном уровнях. Во французской эпической традиции важную роль играет именно пространственное противопоставление «исторического» локуса и мира, из которого прибывает главный герой. С реализацией пространственной оппозиции связаны две противоречивые, на первый взгляд, тенденции. С одной стороны, запрет на вопрос об имени и происхождении, аналогичный традиционным для сказок брачным табу, постепенно теряет свою ассоциацию с тематикой женитьбы, и табуированным представляется не сам вопрос, а упоминание героя о «чужом» мире. С другой стороны, второй мотив, имеющий фольклорный генезис, – мотив поисков потерянного супруга – в литературной

традиции лишь на позднем этапе получает оформление по аналогии с сюжетом классической волшебной сказки и влечет за собой перенесение функции протагониста с главного героя на второстепенный персонаж. Однако оба способа трансформации мы склонны объяснять неосознанными попытками средневековых поэтов «примирить» стратегию повествования об эпическом герое, наделенном сверхъестественными способностями, и сказочные представления о браке смертного с чудесным супругом, поскольку включение в повествование фольклорных мотивов нередко ведет к нарушению логики сюжета литературного текста.

Трансформация сюжета о подвиге и женитьбе Рыцаря с лебедем в немецкой традиции

Первым немецкоязычным памятником, в котором упоминается рыцарь, прибывающий в Брабант в ладье, влекомой лебедем, становится рыцарский роман Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль», в шестнадцатой книге которого рассказывается о сыне главного героя Лоэрангине, одном из рыцарей Грааля. В этой статье ограничимся рассмотрением романа Вольфрама и анонимной поэмы «Лоэнгрин», создатель которой опирался на сюжет «Парцифаля».

Выделим основные мотивы повествования о Лоэрангине, изложенного Вольфрамом фон Эшенбахом (курсивом выделены мотивы, имеющие аналоги в фольклорной традиции):

Герцогиня отказывает женихам;

Рыцарь с лебедем прибывает в Антверпен;

Рыцарь с лебедем вступает в брак с герцогиней и запрещает ей задавать вопрос о своем происхождении;

Герцогиня задает запретный вопрос;

Лебедь возвращается, Рыцарь с лебедем уплывает.

В отрывке романа, посвященном Лоэрангину, получают реализацию не все сюжетные элементы французского первоисточника. Так, вне повествования остаются все сюжетные элементы, связанные с участием героя в судебном поединке, то есть женитьбе не предшествуют брачные испытания. Акцент переносится на фольклорные по своему генезису мотивы запретного вопроса и нарушения запрета. Кроме того, в повествование вводится еще один фольклорный мотив: прежде чем вступить в брак с Лоэрангрином, герцогиня Брабантская отказывает женихам. Однако этот сюжетный элемент, который мог быть заимствован из сказки, наделяется

христианизированной семантикой: герцогиня дает клятву назвать супругом только того, кто будет дарован ей Богом.

Вероятно, сложной и неоднозначной семантикой мотива женитьбы в романе Вольфрама фон Эшенбаха во многом определяется дальнейшая трансформация «сюжета о Рыцаре с лебедем» в сочинении его анонимного последователя. Создатель баварской поэмы о Лоэнгрине также связывает происхождение главного героя с Граалем и миром короля Артура, а сюжет расширяется за счет новых сказочных элементов⁶:

Граф Фридрих фон Тельрамунт пытается склонить герцогиню Эльзу Брабантскую к ненавистному браку;

Король Артур и рыцари Круглого стола узнают о беде герцогини;

Рыцарь с лебедем прибывает в Антверпен;

Рыцарь с лебедем заявляет о своем желании сражаться за герцогиню;

Рыцарь с лебедем сражается с противником и побеждает его;

Рыцарь с лебедем вступает в брак с герцогиней и запрещает ей задавать вопрос о своем происхождении;

Рыцарь с лебедем сражается с врагами;

Герцогиня задает запретный вопрос;

Рыцарь с лебедем открывает свое происхождение, после чего должен покинуть супругу.

Баварский поэт включает в повествование мотив судебного поединка, заимствованный из старофранцузской поэмы и отсутствующий в романе Вольфрама фон Эшенбаха, однако, согласно тексту поэмы, герой сражается в поединке не столько для того, чтобы защитить герцогиню, сколько для того, чтобы доказать свое право вступить с ней в брак. Мотив судебного поединка приобретает характер приключения Рыцаря с лебедем, который участвует в нем, чтобы добыть невесту. Сюжетный элемент, введенный в повествование в процессе его литературного развития, в немецкой традиции получает свойственную рыцарскому роману интерпретацию и вместе с тем начинает выполнять функцию, характерную для сказочного сюжета.

В поэме о Лоэнгрине мотив «невеста отказывает женихам» расширяется за счет повествования о ненавистном женихе Эльзы Брабантской Фридрихе фон Тельрамунте, с которым ее обручил отец перед своей смертью. Если более точно определить функцию Рыцаря с лебедем в этой версии, то можно охарактеризовать его

⁶ Lohengrin / Hrsg. von H. Rückert. Quedlinburg und Leipzig. Druck und Verlag von Gottfr. Basse, 1858. (Bibliothek der gesamten deutschen National-Literatur von der ältesten bis auf die neuere Zeit)

как «правильного» жениха, избавляющего Эльзу от «неправильного». Мотив женитьбы в немецкой традиции получает иную интерпретацию в соответствии с христианизированными (вслед за Вольфрамом фон Эшенбахом) и куртуазными ценностями. Вместе с тем присутствие в немецких вариантах «сюжета о Рыцаре с лебедем» противопоставления «правильного» и «неправильного» жениха сближают его с архаическим сюжетом о змееборце, о котором также упоминает Е.М. Мелетинский [Мелетинский 2018, с. 321]. Как отмечает исследователь, в данном типе сюжета, включающем мотив похищения невесты Змеем (в других вариантах Кашеем, Вихрем и т. д.), нашли отражение представления о невозможности нарушения экзогамии, в соответствии с которыми невеста «должна быть отнята у этого слишком “далекого жениха” и отдана “своему” герою, спасшему ее от ненавистного Змея». Таким образом, согласно семантике оппозиции «свой-чужой» в сюжете о змееборце, герой-протагонист и его невеста принадлежит миру «своего», «неправильный» жених – «чужому» миру.

Действительно, в отличие от французских сочинений, в поэме о Лоэнгрине не наблюдается тенденция к противопоставлению мира Грааля, из которого прибывает Лоэнгрин, и Брабанта, в котором он вступает в брак с герцогиней. На повествовательном уровне ярко выраженная пространственная оппозиция отсутствует, мир Грааля и герцогство Брабантское вплоть до описания прибытия Лоэнгрин в равной степени воспринимаются как основной повествовательный локус вследствие того, что создатель баварской поэмы обращается к описанию событий, одновременно происходящих в обоих мирах [Попова 2021].

На ценностном уровне оба локуса также можно отнести к области «своего»: они изображены, с одной стороны, как мир куртуазный, с другой – как пространство, где происходят Божественные чудеса и Бог покровительствует положительным персонажам. Вместе с тем присутствует явное противопоставление мира Лоэнгрин и Эльзы миру Фридриха как «неправильного» жениха герцогини, которого предстоит победить главному герою. Поведение и характеристика Фридриха противоречат законам куртуазного универсума, вследствие чего он изображается как персонаж отрицательный, принадлежащий миру «чужого». Фридрих с самого начала позиционируется как отрицательный персонаж; он хочет насильно жениться на герцогине, но это причиняет ей горе (“daz tete der edelen megde wê”). В речи Эльзы вводится сравнение Фридриха с Люцифером, низвергнутым за свою гордыню.

Итак, на основании рассмотрения отдельных сюжетных элементов поэмы «Лоэнгрин» подтверждается предположение о влиянии на ее структуру сказочного сюжета о змееборце. В то же

время мотивы, заимствованные из устной традиции, в литературной обработке получают иную интерпретацию, соответствующую куртуазным и христианским ценностям.

На материале средневековых сочинений о Рыцаре с лебедем мы рассмотрели вопрос трансформации и функционирования сюжетных элементов, которые могли быть заимствованы из народной культуры и намеренно включены в повествование создателями письменных текстов на определенном этапе сюжетной эволюции.

Ставя вопрос об особенностях функционирования подобных мотивов, особое внимание мы уделили оппозиции «свой-чужой», имеющей в литературных текстах иную, отличную от фольклора семантику, поскольку, как нам кажется, именно ее реализация влечет за собой наиболее значимые сюжетные изменения. Во французских эпических памятниках о Рыцаре с лебедем оппозиция «свой-чужой» интерпретируется посредством пространственного противопоставления «исторического» мира, в котором герой заключает брак со смертной, и родного королевства Рыцаря с лебедем, причем в зависимости от смены основного повествовательного локуса оба пространства могут восприниматься как «свой» и «чужой». В немецкоязычной традиции Вольфрама фон Эшенбаха и его последователей противопоставление переносится в область ценностных категорий соответствия или несоответствия куртуазным нормам поведения. В обеих национальных традициях выявляется общая тенденция: при включении в повествование литературных памятников фольклорных мотивов «сюжет о Рыцаре с лебедем» трансформируется таким образом, что организация пространственной оппозиции двух миров на относительно позднем этапе его бытования получает реализацию по аналогии со сказочными сюжетами о чудесном супруге.

Литература

- Веселовский 2011 – *Веселовский А.Н.* Избранное: историческая поэтика / Сост. И.О. Шайтанов. СПб.: Университетская книга, 2011. 684 с.
- Мелетинский 2018 – *Мелетинский Е.М.* Миф и историческая поэтика: Избранные статьи. Воспоминания. М.: РГГУ, 2018. 693 с.
- Неклюдов 2015 – *Неклюдов С.Ю.* Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: РГГУ, 2015. 214 с.
- Попова 2015 – *Попова О.В.* К вопросу о генезисе «сюжета о подвиге Рыцаря с лебедем» // Новый филологический вестник. 2015. № 4 (35). С. 136–146.

- Попова 2021 – *Попова О.В.* Повествовательные стратегии в баварской поэме о Лоэнгрине // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 1. С. 116–127.
- Lecouteux 1982 – *Lecouteux C.* *Melusine et le Chevalier au Cygne*. Paris: Imago, 1982. 200 p.

References

- Lecouteux, C. (1982), *Melusine et le Chevalier au Cygne*, Imago, Paris, France.
- Meletinskii, E.M. (2018), *Mif i istoricheskaja pojetika. Izbrannye stat'i. Vospominanija* [Myth and historical poetics. Selected papers. Memoirs], Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
- Nekljudov, S.Yu. (2015), *Poetika epicheskogo povestvovanija: prostranstvo i vremja* [The poetics of epic narration. Space and time], Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
- Popova, O.V. (2015), "Revisiting the genesis of the deed of the Swan knight plot", *New Philological Bulletin*, vol. 35, no. 4, pp. 136–146.
- Popova, O.V. (2021), "Narrative Strategies in the Bavarian Poem Lohengrin", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 1, pp. 116–127.
- Veselovskii, A.N. (2011), *Izbrannoe: istoricheskaja pojetika* [Selected papers. Historical poetics], Universitetskaja kniga, St. Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Ольга В. Попова, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *popova.olga13w@mail.ru*

Information about the author

Olga V. Popova, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; *popova.olga13w@mail.ru*